

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

✠ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ ✠

Ларс Браунворт

— ТАЙНЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ —

Ричард Львиное Сердце ✠ Саладин
Алиенора Аквитанская ✠ Пресвитер Иоанн

Тайны мировой истории

Ларс Браунворт

**Краткая история
крестовых походов**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 94(36)
ББК 63.3(0)4

Браунворт Л.

Краткая история крестовых походов / Л. Браунворт —
«Издательство АСТ», 2017 — (Тайны мировой истории)

ISBN 978-5-271-48599-2

Крестовые походы оставили после себя сложное и запутанное наследие, которое многие и сегодня понимают неоднозначно. Автор научно-популярных исторических бестселлеров Ларс Браунворт предлагает нам подробный рассказ о крестовых походах – от первого столкновения христианства и ислама среди пыльных песков Ярмука до падения последнего государства крестоносцев. Это было время таких великих имен Средневековья, как Ричард Львиное Сердце, Саладин, Алиенора Аквитанская и легендарный Пресвитер Иоанн.

УДК 94(36)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-271-48599-2

© Браунворт Л., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Лица крестовых походов	6
Первый крестовый поход: Народный (главы 1–2)	6
Первый крестовый поход: Княжеский (главы 3–6)	7
Образование Утремера (главы 7–9)	8
Второй крестовый поход (главы 10–11)	9
Третий крестовый поход (главы 12–15)	10
Четвертый крестовый поход (глава 16)	11
Пятый крестовый поход (глава 17)	12
Шестой крестовый поход (глава 18)	13
Седьмой и Восьмой крестовые походы (главы 19–21)	14
Пролог. Ярмук	15
Глава 1	18
Клермон	21
Паломничество	24
Глава 2	28
Петр Амьенский	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ + КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ +

Ларс Браунворт Краткая история крестовых походов

Посвящается Кэтрин

Фотоматериалы предоставлены
Shutterstock/FOTODOM

Перевод с английского *В.М. Липки*

© Lars Brownworth, 2017. This edition is published by arrangement with Lorella Belli Literary Agency Ltd. and Synopsis Literary Agency
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Лица крестовых походов

Первый крестовый поход: Народный (главы 1–2)

Алексий I Комнин: византийский император, который своим обращением за помощью к папе Урбану II обусловил Первый крестовый поход

Эмихо: граф Лейнингенский, предводитель антисемитского, так называемого Германского, крестового похода

Кылыч-Арслан: турецкий султан, обосновавшийся в Никее

Петр Пустынник: французский священник, главный предводитель Народного крестового похода. Также известен как Петр Амьенский

Урбан II: папа римский, прочитавший в 1095 году в Клермоне проповедь, которая привела к Первому крестовому походу

Вальтер Голяк: правитель Баусси-санз-Авуар, второстепенный предводитель Народного крестового похода. Также известен как Вальтер Ниций

Первый крестовый поход: Княжеский (главы 3–6)

Адемар Монтейльский: *епископ города Ле Пюи, папский легат, духовный предводитель Первого крестового похода*

Болдуин: *брат Годфри де Буйона. Основатель первого государства крестоносцев (Эдессы), второй король Иерусалима*

Боэмунд: *первый князь Таранто, основатель второго государства крестоносцев (княжества Антиохии)*

Годфри: *герцог Нижней Лотарингии, первый (некоронованный) король Иерусалима, обладатель титула «Защитник Гроба Господня»*

Гуго Великий, граф Вермандуа: *брат короля Франции, первый представитель высшей знати, отправившийся в крестовый поход*

Кербога: *атабек Мосула*

Петр Бартоломей: *французский мистик, которому в Антиохии было видение Копья Лонгина*

Раймонд: *граф Тулузский, главный противник Боэмунда*

Стефан де Блуа: *зять Вильгельма Завоевателя*

Танкред: *племянник Боэмунда, позже князь Галилеи и регент Антиохии*

Татикий: *византийский генерал, отправившийся вместе с крестоносцами в Антиохию*

Яги-Сиан: *турецкий правитель Антиохии*

Образование Утремера (главы 7–9)

Балдуин II: двоюродный брат Балдуина I, третий король Иерусалима. Также известен как *Балдуин Ле Бур*

Балдуин III: сын Фулька и Мелисенды, пятый король Иерусалима

Даимберт Пизанский: папский легат, назначенный вместо Адемара Ле Пуи

Доменико Микель: венецианский дож

Фульк Анжуйский: муж Мелисенды, четвертый король Иерусалима

Гуго де Пейн: французский рыцарь, основатель Ордена тамплиеров

Жослен II: граф Эдессы, противоборство которого Раймунду де Пуатье привело к падению графства

Мелисенда: дочь Балдуина II, правившая вместе с мужем Фульком в качестве регентши их сына Балдуина III

Раймунд де Пуатье: принц Антиохии и дядя Алиеноры Аквитанской

Занги: эмир Алеппо, чьи победы форсировали Второй крестовый поход

Второй крестовый поход (главы 10–11)

Бернард Клервоский: монах-цистерцианец, отвечавший за Второй крестовый поход

Конрад III: император Священной Римской империи

Алиенора Аквитанская: супруга Людовика VII и племянница Раймунда де Пуатье

Евгений III: папа римский, созвавший Второй крестовый поход

Людовик VII: король Франции, первый видный деятель, давший клятву крестоносца

Мануил Комнин: византийский император, внук Алексия I Комнина

Нур ад-Дин: эмир Алеппо, сын Занги

Третий крестовый поход (главы 12–15)

Амальрик: младший брат Балдуина III, шестой король Иерусалима

Балдуин IV: сын Амальрика, седьмой король Иерусалима. Также известен как Прокаженный король

Фридрих Барбаросса: император Священной Римской империи, племянник Конрада III

Григорий VIII: папа римский, созвавший Третий крестовый поход

Ги де Лузиньян: французский дворянин, девятый король Иерусалима

Генрих II: король Англии, второй муж Алиеноры Аквитанской

Исаак Ангел: византийский император в период Третьего крестового похода

Филипп Август: король Франции, сын Людовика VII

Рено де Шатильон: князь Антиохии, чье безрассудство привело к утрате Иерусалима

Ричард Львиное Сердце: король Англии, сын Генриха II и Алиеноры Аквитанской. Ключевой персонаж Третьего крестового похода

Саладин: сын Ширкуха, вновь захвативший Иерусалим и возродивший в нем ислам

Ширкух: курдский генерал Нур ад-Дина, ставший визирем Египта

Танкред ди Лечче: король Нормандского королевства Сицилии. Также известен под именем Король-обезьяна

Четвертый крестовый поход (глава 16)

Алексий III Ангел: византийский император, младший брат Исаака II

Алексий IV Ангел: византийский император, сын Исаака II

Алексий V: византийский император, низвергший Алексия IV. Также известен как Мурзуфл, что в переводе с греческого означает «наступленный»

Бонифаций: маркиз де Монферра, предводитель Четвертого крестового похода

Энрико Дандоло: венецианский дож, предводитель Четвертого крестового похода

Иннокентий III: папа римский, созвавший Четвертый и Пятый крестовые походы

Исаак II Ангел: византийский император, свергнутый Алексием III накануне созыва Четвертого крестового похода

Тибо: граф де Шампань, племянник Ричарда Львиное Сердце

Пятый крестовый поход (глава 17)

Аль-Камиль: султан Египта в период проведения Пятого, Шестого и Седьмого крестовых походов, племянник Саладина

Андраш: король Венгрии, предводитель Пятого крестового похода

Фридрих II Барбаросса: император Священной Римской империи. Также известен как «Stupor Mundi», что в переводе с латыни означает «Чудо Мира»

Иоанн де Бриенн: регент Иерусалима, предводитель Пятого крестового похода

Леопольд: австрийский герцог, предводитель Пятого крестового похода

Николас Кельнский: германский подпасок, один из предводителей так называемого Крестового похода детей

Пелагий: папский легат, предводитель Пятого крестового похода

Шестой крестовый поход (глава 18)

Фридрих II Барбаросса: император Священной Римской империи, предводитель Шестого крестового похода

Григорий IX: папа римский, преемник Гонория III, отлучивший Фридриха II от церкви

Гонорий III: папа римский, созвавший Шестой крестовый поход

Иоланта: дочь Иоанна де Бриенна, наследница иерусалимского трона

Седьмой и Восьмой крестовые походы (главы 19–21)

Бейбарс: мамлюкский султан Египта

Карл Анжуйский: брат Людовика IX, король Сицилии

Эдуард I: король Англии, присоединившийся к Восьмому крестовому походу уже по его официальном завершении. Возглавил экспедицию, иногда называемую Девятым крестовым походом. Также известен как Длинноногий

Хулагу: внук Чингисхана, предводитель монголов

Иннокентий IV: папа римский в период проведения Седьмого крестового похода

Людовик IX: король Франции, предводитель Седьмого и Восьмого крестовых походов. Также известен как Людовик Святой

Престер Джон: легендарный христианский король Востока

Робер д'Артуа: брат Людовика IX

Пролог. Ярмук

*Если хочешь мира, готовься к войне.
Публий Флавий Вегеций*

В первые месяцы 636 года войско верхом на верблюдах пересекло сирийскую границу и вторглось в Восточно-Римскую империю, совершив нападение, впоследствии оказавшееся самоубийственным. Это государство, больше известное как Византия, представляло собой блистательный культурный оплот христианства, границы которого простирались от Атлантического побережья юга Испании на западе до пустынь нынешней Саудовской Аравии на востоке¹. Империя, казалось, довлела над всеми своими соседями. После четырех столетий нескончаемых войн Персия, давний враг Рима, наконец, была повержена и окончательно раздавлена блестящим римским императором-воителем Гераклием.

Византийские хроники тут же миропомазали его правление в качестве нового золотого века. Стареющего императора провозгласили новым Моисеем, взявшимся вывести свой народ из оков страха, новым Александром Великим, устранившим персидскую угрозу, и новым Сципионом Африканским, победившим Ганнибала современности и возродившим славу Рима. И на истерзанных войной землях Средиземноморья вновь воцарился навязанный силой пресловутый «римский мир».

Захватчики, с другой стороны, явились из бесплодных аравийских пустынь – края, лежащего за пределами цивилизованного мира, населенного мелкими, постоянно враждующими друг с другом племенами. Если не считать пары набегов на территорию империи, обитатели этих пустынь никогда не играли значительной роли в истории и не демонстрировали никаких признаков того, что сыграют когда-то впредь. Но в 622 году некий харизматичный сын погонщика верблюдов по имени Мухаммед объявил себя последним пророком Господа, явившимся очистить от скверны извращенный посыл иудаизма и христианства².

Мухаммед был не банальным сумасшедшим или главарем, век которых очень короток. Он проповедовал абсолютное подчинение и покорность Божьей воле, сочетая их с политической и военной системой, что превращало *ислам* в нечто большее, чем просто религия³. Он рисовал враждующим друг с другом племенам Аравии видение мира, разделенного пополам между теми, кто покорился исламу, *Территорией ислама Дар аль-ислам*, и теми, кого еще только предстояло завоевать, *Территорией войны Даль аль-харб*. И невероятная энергия арабов, ранее растрачиваемая на междоусобные дрязги, теперь сосредоточилась на острие меча, расширяющего Территорию ислама.

Успех этой первой волны *джихада*, так называемой священной войны, оказался умопомрачительным. За десять лет мусульманские армии завоевали большую часть Аравии, и хотя сам Мухаммед в 632 году умер в Мекке от лихорадки, их продвижение вперед продолжила череда его последователей, не менее агрессивных, чем он сам⁴. Еще в 634 году, за два года перед тем, как войти в силу, отряды захватчиков вторглись на территорию империи. Момент для нападения был выбран как нельзя лучше.

¹ Столицей Восточно-Римской империи был Константинополь. Поскольку первоначально город носил название Византий, современные историки называют империю Византийской, или же просто Византией. – *Здесь и далее – примечания автора.*

² Мухаммед утверждал, что Аллах обнаруживал себя через нескольких пророков, причисляя к самым ярким из них Моисея и Христа, но их учение со временем исказили. Его откровение представляло собой финальную, «неиспорченную» версию, которой предстояло вытеснить все «порочные».

³ Термин *ислам* означает подчинение воле Аллаха.

⁴ Ключевым фактором успеха Мухаммеда был его прагматизм. Проповедуя строгое подчинение, он одновременно с этим пытался выработать компромисс в отношении глубоко укоренившихся традиций, таких как полигамия и рабство.

Несмотря на блистательный фасад, мощь Византии представляла собой мираж. За два десятилетия последней войны там погибло свыше двухсот тысяч человек, империя истощила ресурсы, стала слабой и уязвимой.

Ее юго-восточные провинции разоряли религиозные противоречия, а попытки императора силой искоренить ересь только усугубляли непонимание. Империя отчаянно нуждалась в правителе, но к 636 году от Гераклия, ее героя-завоевателя, осталась одна лишь сутулая оболочка с трясущимися руками. Утомленный затянувшимся на четверть столетия пребыванием на троне, он демонстрировал признаки психической неуравновешенности и страдал от жестоких спазмов, которым вскоре предстояло его убить.

Император, вероятно, не понимал, с каким врагом столкнулся. Подобно большинству византийцев, он тоже считал их чем-то сродни новой христианской ереси или же иудейской секте. Но Гераклий увидел в нем угрозу и собрал для защиты империи восьмидесятитысячную армию. Слишком больной, чтобы лично ее возглавить, он учредил в Антиохии, втором по значимости городе империи, штаб, доверил командование войсками группе генералов и отправил в соседнюю Сирию, где их уже ждали исламские силы.

Две армии сошлись в бою на песчаной равнине на берегу Ярмука, одного из притоков реки Иордан, – на негостеприимной возвышенности к юго-востоку от спорных ныне Голанских высот, где сегодня пролегают границы между Израилем, Иорданией и Сирией. В VII веке это была еще большая глухомань, чем сейчас, огороженная со всех сторон непроходимыми пустынями и обожженными солнцем холмами, которую вряд ли можно было бы назвать подходящим местом для одного из самых решающих сражений в истории.

Византийские силы с лихвой превосходили врага, по крайней мере по численности, но теперь, увидев его перед собой, застыли, будто парализованные. Осторожничая пять дней, они высылали вперед разведчиков, внимательно наблюдая за противником, но не переходя к боестолкновениям. И пока их армия нерешительно топталась на месте, к мусульманам прибыло подкрепление, усилив исламское войско и деморализовав христиан⁵.

Первой перешла в атаку армия мусульман. Утром 20 августа 636 года, прикрываясь песчаной бурей, слепившей неприятелю глаза, арабы ринулись вперед. Поначалу ряды защитников империи стояли твердо, но в самый разгар боя двенадцать тысяч их союзников из числа арабов-христиан (те, кому давно задолжали денежное содержание) переметнулись на сторону врага: византийское войско дрогнуло. У него, окруженного, практически не было шансов – учитывая же панику и замешательство, тем более... Большинство воинов пытались спастись бегством для укрытия в безопасном месте, но были безжалостно убиты.

В Антиохии новость о катастрофе окончательно расшатала остатки повредившегося ума Гераклия. В этом сражении он поставил на кон все, что имел, но проиграл. Полагая, что его оставил Бог, он не предпринял никаких дальнейших попыток остановить исламское наступление⁶. И паузу при отступлении в Константинополь взял только один раз, сделав короткий привал в Священном городе Иерусалиме.

⁵ Между основными силами и подмогой не было налажено водоснабжение, поэтому изобретательный исламский полководец перед походом напоил до отвала верблюдов, а в пути приказал своим людям их убить, чтобы получить воду и утолить жажду.

⁶ С этой оценкой соглашались и его подданные. После смерти первой жены Гераклий женился на племяннице: темный народ во всех бедах империи винил этот кровосмесительный союз.

Всего шесть лет назад он входил сюда как триумфатор, со священнейшей реликвией империи – Крестом Господним на спине. Одетый как простой кающийся грешник, он босиком прошел по *Виа Долороза*: это тот самый *Путь скорби*, по которому вели на распятие Христа. Заканчивался этот путь у церкви Гроба Господня, величественной базилики, построенной по приказу Константина Великого. Именно там Гераклий повесил над алтарем свою вожденную добычу, которая стала вершиной его правления и неопровержимым свидетельством Божьей милости.

И вот теперь Гераклий опять пришел в эту церковь – жалким, сломленным человеком. Лишь немногие из свидетелей, вероятно, не узрели символизм, когда он аккуратно снял Крест Господень, погрузил его вместе с большинством других реликвий на корабль, а затем, не скрывая слез, отплыл, предоставив Христианский Восток его судьбе.

Лишившись повелителя, империя, оказавшаяся не способной постичь новых завоевателей, рушилась с головокружительной скоростью. Римский Средний Восток, больше трех столетий остававшийся христианским, получил смертельный удар. Со дня сражения не прошло и года, а в Иерусалим уже лично прибыл халиф, силой вырвавший город из рук христиан. За двенадцать месяцев пали не только Дамаск, но и остальная часть Сирии, на которой ныне располагаются Израиль и Иордания. В последующие десять лет были повержены Египет и Армения, а по прошествии еще десяти не стало Ирака и большей части Ирана. Меньше чем через век после битвы при Ярмуке исламские полчища захватили Северную Африку и Испанию, остановившись всего в ста пятидесяти милях от Парижа. Три четверти христианского мира исчезли, но самым пагубным стал тот факт, что христиан изгнали с земли, где они появились на свет.

Царившую тогда атмосферу обобщил иерусалимский патриарх, передавший город новым хозяевам во избежание дальнейшего кровопролития. Глядя, как халиф верхом на белоснежном верблюде ехал вступить во владения Храмовой горой, он прошептал: «Когда увидите мерзость запустения...» Это был знак того, что конец света уже близок – знак, о котором предупреждал сам Христос⁷.

⁷ Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 15.

Глава 1

Перо и меч

*В земли христиан яростно вторглось проклятое племя...
племя, напроочь отрицующее Бога...*
Проповедь Урбана II в Клермоне

В 1093 году, наконец, настал тот самый момент, которого император Восточно-Римской империи Алексей I ждал весь период правления. Великий мусульманский враг был слаб и разобщен: один хороший толчок, и мир с процветанием – две благодати, которых не знало уже не одно поколение, – станут достижимы.

На своей коронации в 1081 году, больше десяти лет назад, Алексей пообещал вернуть империи благополучие, хотя ему, вероятнее, суждено было единственно присутствовать при ее окончательном развале. Больше четырехсот лет Византия, восточная половина былой Римской империи, пребывала в осаде. К моменту его появления на свет в середине XI века безжалостные и сокрушительные удары исламского наступления сократили территорию государства, когда-то включавшего в себя все Средиземноморье, до жалких остатков в границах современных Турции и Греции. Хуже всего стало в 1071 году, за десять лет до восхождения Алексея на трон, когда турки, племя новых завоевателей из Центральной Азии, разгромили в далеком армянском городке Манцикерт византийскую армию, пленив императора вместе со свитой. Триумфатор-султан поставил на императорскую шею свою ступню в домашней туфле, воспользовавшись униженным сувереном в качестве скамеечки для ног, и турки – по словам летописца того времени Михаила Пселла – «безудержной лавиной» хлынули в Малую Азию⁸.

Пока восточная граница превращалась в руины, западные рубежи тоже выдерживали осаду. Норманнские авантюристы, потомки обосновавшихся во Франции викингов, вторглись на Итальянский полуостров – их манила обетованная земля, вполне созревшая для того, чтобы без труда ее отобрать. Под предводительством грозного Роберта Гвискара и его сына-великана Боэмунда норманны завоевали Южную Италию, практически не оказавшую им никакого сопротивления. В 1081 году они пересекли Грецию и оказались в удивительной близости от самого Константинополя. Вопрос тогда, вероятно, сводился только к тому, кому же достанется империя – норманнам или туркам.

Эта-то чередка катастроф и вознесла Алексея на трон. Его престарелого предшественника, совсем немного не дотягивавшего до восьмидесяти лет и слишком обессиленного, чтобы оказать хоть какое-то сопротивление, без труда отправили в монастырь. Столкнуться сразу с двумя решительными врагами, не располагая преимуществом в виде надежной армии, оказалось делом куда более сложным, но Алексей – благодаря дипломатии, бесстрашию, а порой и своевременному подкупу – сумел предотвратить грядущий коллапс.

Следующие четырнадцать лет он упорно трудился, дабы упрочить границы и обеспечить хотя бы видимость процветания своего народа. В конце концов, хотя прошло уже немало времени, события приняли иной оборот. Чередка слабых турецких султанов в Малой Азии не смогла удержать в узде подчиненных им эмиров, и к 1095 году султанат в значительной степени распался на отдельные, враждующие между собой эмираты.

И вот настал момент, к которому так долго готовился Алексей, – момент, тщательно подпитываемый византийским золотом. Теперь, когда великий враг был разобщен и слаб, контр-

⁸ Под *Малой Азией* изначально понималась часть римской провинции Азия, которую когда-то обратил в христианскую веру святой Павел. В ее состав входила большая часть территории современной Турции. Вместо этого названия, пусть и с некоторыми оговорками, можно использовать название *Анатолия*.

наступление вполне могло вышвырнуть турок из Малой Азии и восполнить ущерб, нанесенный при Манцикерте. Второго такого замечательного шанса больше могло не быть.

К несчастью, чтобы воспользоваться им, у Алексея не было армии. После потери Малой Азии империя лишилась большей части ветеранов-солдат. Алексей на скорую руку собрал отряды наемников и необстрелянных новобранцев, которые могли произвести впечатление, покидая походным маршем константинопольские Золотые Ворота, но не могли принести никакой пользы в настоящем бою. Поэтому когда Алексей впервые бросил войско в сражение против настоящих солдат, его тут же разбили наголову. Две последующие попытки реформировать армию привели к аналогичному результату.

Проблема заключалась не столько в численности, сколько в качествах наемников, в значительной мере набираемых в соседних варварских племенах: их преданность внушала большие сомнения – и это в лучшем случае. Столкнувшись с доблестной дисциплинированной западной армией или же с превосходящей их по численности восточной, они попросту паниковали. Если бы Алексею удалось отыскать надежное войско (хватило бы и двухсот человек), оно послужило бы стимулом для равнения и укрепило решимость остальных.

К счастью, у него имелся в наличии практически готовый источник таких солдат. Западноевропейские рыцари, облаченные в тяжелые доспехи, в нападении были практически неуязвимы. Обеспечив надлежащий баланс – набрав их достаточно для укрепления армии, но все же не так много, дабы они не вышли из повиновения, – Алексей смог бы полностью изгнать турок с территории империи.

Оставалось проработать один-единственный вопрос: кого именно просить. Написать Боэмунду или любому другому предводителю норманнов, чтобы пригласить их, тем самым дав империи второй шанс, было, естественно, нельзя. Не мог он и выбрать какого-нибудь монарха из запутанного клубка мелких европейских государств, потому как у того в распоряжении вряд ли оказались бы необходимые ресурсы. Только один человек обладал достаточным положением в обществе, чтобы, с одной стороны, знать, к кому обратиться за помощью, а с другой – располагал влиянием, чтобы обеспечить эту помощь Алексею. Со своим судьбоносным призывом о помощи император обратился к папе римскому.

Византийские послы, которым было поручено доставить просьбу Алексея, нашли папу Урбана II председательствующим на церковном совете в городке Пьяченца, что на севере Италии. Это было первое крупное собрание епископов за время его папства. Ему понравилось и то, что мероприятие почтили присутствием столь важные гости с востока. Византийцы традиционно отказывались признавать верховную власть Рима – эта недоработка уже привела к серьезному расколу с востоком⁹, – и ему было приятно видеть перед собой личных представителей императора. После некоторых колебаний он предложил им выступить перед высоким собранием.

Учитывая обстановку, послы, дабы вдохновить слушателей, мудро решили воззвать не к мирским воздаяниям в виде земных богатств, а к чувству христианского братства. В их речах конечно же присутствовали и манящие намеки на материальные ценности, которыми можно будет поживиться на просвещенном Востоке, но большую часть времени они, вероятно, сосредоточили на гонениях и страданиях, которым подвергали там христиан. При этом послы в шокирующих подробностях описывали то, как турки подошли к воротам Константинополя... Древние христианские общины Востока – такие как Антиохия, где когда-то впервые произнесли само слово «христианство», – накрыла мусульманская лавина. Исламские армии уже захватили все семь церквей, упомянутых в «Откровениях Иоанна Богослова»: если их не

⁹ В 1054 году эмиссары папы отлучили от церкви патриарха Константинопольского, который выступил против папы и, в свою очередь, отлучили от церкви его самого. Этот эпизод, известный как Великая схизма, обусловил череду событий, приведших к окончательному разделению христианского мира на две ветви: католическую (западную) и православную (восточную).

остановить, совсем скоро они превратятся в угрозу уже для самого Запада. Поэтому, заключили послы, вступить за своих восточных братьев и защитить Константинополь, величайший оплот христианской цивилизации, – долг всех добрых крещеных рыцарей.

Аргумент оказался убедительным, а в случае с папой Урбаном у него было еще одно преимущество – он упал на очень благодатную почву. Когда папа Урбан распустил совет и направился через Альпы на север, в родную Францию, его смелые и даже великие мечты обрели, наконец, отчетливые контуры.

Папский престол прекрасно знал о той угрозе, которую ислам нес Западной Европе. Сам Рим в IX веке подвергся разорению мусульманскими грабителями, причем захватчикам даже удалось частично сжечь собор Святого Петра. Исламское нашествие поглотило христианские земли в Северной Африке, – родине Святого Августина и других влиятельных отцов – основателей церкви, – а также большую часть Испании. Теперь, когда пала Византия, мусульмане «осадили» христианство.

В обычных условиях какому-нибудь королю или императору полагалось бы взять в руки меч и броситься на защиту христианства, только вот подходящих кандидатур на эту роль не оказалось. Монаршая власть на Западе практически вымерла. Из-за децентрализирующего характера урегулирования феодальных споров и германской традиции делить отцовское наследство между всеми сыновьями – традиции, дробившей имущество на мелкие части, – власть правителя редко распространялась дальше ближайших окрестностей его дворца. Один лишь папа обладал достаточным авторитетом для того, чтобы вести наступление на мусульманскую угрозу.

Первым идею о всехристианском военном походе высказал предшественник Урбана, папа Григорий VII. Он предложил набрать армию из представителей всех народов Западной Европы, а в качестве ее предводителя выдвинул собственную кандидатуру. Подобно Моисею позднего периода, он вознамерился избавить так называемый божий народ от турецкого угнетения и самым эффектным образом подчеркнуть свою папскую роль поборника веры.

Папа Григорий VII умер, так и не продвинувшись дальше мечты, а вот Урбан, его доверенное лицо, теперь оказался в состоянии воплотить ее в жизнь¹⁰. И совершая летом 1095 года переход через Альпы, он прокручивал все это в голове, обдумывая план куда более амбициозный по сравнению с тем, который вынашивал до него Григорий.

¹⁰ По иронии судьбы Григорий, намереваясь отправиться воевать, первоначально хотел оставить Запад на попечение императора Священной Римской империи Генриха IV. Но не успел даже додумать эту мысль до конца, как они страшно поссорились в борьбе за инвеституру – в основе конфликта лежало желание светских властей контролировать назначение священнослужителей; папа в конечном итоге отлучил Генриха от церкви.

Клермон

Поездка папы во Францию представляла собой в некотором роде возвращение домой. Он, Одо де Шатильон, младший отпрыск знатного рода, появился на свет без малого шестьдесят лет назад в Шампани, винодельческом регионе на северо-востоке страны. Но официальным поводом для этого путешествия стало не ностальгичное желание еще раз взглянуть на живописные долины, а возмутительное поведение французского короля Филиппа I Влюбленного. Тот увлекся женой графа Анжуйского, но не проявил должной осмотрительности, дабы сохранить связь в тайне. А затем еще больше усугубил свою ошибку, поведя себя самым скверным образом по отношению к королеве-жене. В тот самый момент, когда она родила сына, Филипп развелся с ней под тем предлогом, что супруга слишком уж раздалась вширь, а затем силой увез к себе любовницу. Неоднократные попытки французских епископов убедить его в том, что необходимо вернуть похищенную даму графу Анжуйскому, успеха не принесли – и даже угроза отлучения от церкви не заставила короля одуматься.

Чтобы рассмотреть сложившуюся ситуацию и другие злоупотребления, Урбан назначил на 18 ноября Великий церковный совет во французском Клермоне, в провинции Овернь, который должен был продлиться несколько дней. Поскольку на подобные собрания допускались лишь представители духовенства – наверняка к большому разочарованию любопытных, – провозгласили один весьма необычный пункт. Со второго по десятый день собор пообещали открыть для посещения публики, чтобы папа мог сделать важное заявление.

Это произвело желанный эффект. В Клермон со всех окрестных деревень хлынул народ, дабы услышать речь папы. Возбуждение нарастало всю неделю – невзирая на холодные ноябрьские ветра и довольно рутинный характер первых заседаний, где подверглись осуждению *симония* как практика продажи церковных должностей или духовного сана, вступление священников в брак и назначение епископов светскими правителями. В полном соответствии с ожиданиями королю Филиппу еще раз приказали отказаться от любовницы, а после того, как он это требование в очередной раз отверг, его официально отлучили от церкви.

На девятый день собралась такая толпа, что собор уже не мог ее вместить, поэтому в огромном поле, простиравшемся сразу за восточными воротами города, соорудили специальный помост. Урбан, великолепно поставивший весь этот спектакль, поднялся туда и заговорил. Внимание: все, что за этим последовало, привело в движение всю Европу.

Увы, нам неизвестно, *что именно* он сказал, хотя летописи оставили потомкам четыре современника. Один из них даже утверждал, что видел все собственными глазами; дословно же речь папы никто не записывал, да и составлялись все эти отчеты лишь спустя несколько лет. Скорее всего, каждый из четырех летописцев записал обращение, которое папа, по его убеждению, *должен был* произнести. И все же несмотря на различия, касающиеся деталей, в сути сказанного им никаких противоречий не наблюдается.

По всей видимости, папа начал с подробного описания плачевного положения христианских общин на Востоке. Затем вслед за византийцами высказал тревогу по поводу отвратительного обращения с ними турок, уничтожения христианских святынь и убийства паломников. Только вот вместо Константинополя Урбан сосредоточился на Иерусалиме, который для западного человека эпохи Средневековья являлся, без преувеличения, центром мира.

Пока на Западе христиан поглотили мелкие, «домашние» войны, их братьев и сестер в Иерусалиме резали как скот. Священный город, в котором жил, умер и воскрес Христос, теперь находился во власти жестокого нечестивого врага. На Храмовой горе мусульмане воздвигли мечеть «Купол Скалы», снабдив ее надписью, предупреждающей христиан больше не поклоняться Христу, потому как *«правосудие Божье стремительно»*. Сохранившиеся храмы

веры закрывались или реквизировались, местных христиан изгоняли из их домов, а паломников грабили, пытали и убивали.

Те же немногие из них, кто предпочитал остаться, подвергались самому жестокому обращению. Вот как передает сказанные по этому поводу папой слова французский монах Робер де Реймс:

«(Турки) любят убивать других, вспарывая им животы, вытаскивая кишки и привязывая к палке. Затем они бьют своих жертв, заставляя бегать вокруг этой палки до тех пор, пока на нее не намотаются все внутренности, а они сами не упадут замертво на землю. Других, опять же, привязывают к палкам и стреляют по ним из лука; третьих хватают, тянут за голову и пытаются понять, можно ли отрубить ее одним ударом обнаженного меча. Стоит ли мне говорить об ужасном насилии над женщинами¹¹?»

Обрисовав эту эмоциональную картину, Урбан сделал изящный ход. Те, у кого была нечиста совесть – а средневековую жизнь без кровопролития нельзя представить, – могли искупить грехи, выступив маршем на помощь Востоку. Им предоставлялась возможность сменить братоубийственные конфликты на более возвышенную цель «праведной войны», а если они при этом умрут, то непременно получают вместо тягот нынешней жизни щедрое «воздаяние рая».

Именно в заключительной части речи Урбан умело добавил к церковной доктрине новый штришок. Со времен жившего в V веке святого Августина христианские мыслители Запада провозглашали, что войну можно вести *только* в том случае, если она соответствует определенным стандартам¹². Однако Урбан предложил нечто совсем иное. Обращаясь к слушателям, он назвал их «воинами святого Петра» и предписал защищать церковь. Обычные схватки, в которые вступал рыцарь – ради богатства, могущества или завоевания новых территорий, – теперь представляли опасность для его смертной души и грозили проклятием в день так называемого Страшного суда. Если же говорить о борьбе за отвоевание Иерусалима, то она представляла собой более возвышенное дело и, следовательно, помогала очистить душу от греха. Рыцарю, взвалившему на себя этот крест, предстояло стать *militia Christi* – рыцарем Христа, который очистился от скверны благодаря паломничеству и актам благочестия. Крестовый поход становился не просто войной, а войной *священной*¹³.

Когда папа закончил говорить, мужчины плакали, не скрывая слез, и восклицали «*Deus Vult!*» – «На то Божья воля!». Когда же прославленный «слуга Божий» Адемар Ле Пюи взобрался на помост и преклонил перед папой колени, крики переросли в рев. После того как он торжественно пообещал отправиться в Иерусалим, один из папских прислужников принес две полоски красной ткани и пришил их на плечо мантии Адемара: теперь ее украшал крест. Затем к помосту бросилось столько рыцарей и мелких дворян, пожелавших «стать крестоносцами», что у слуг Урбана закончилась ткань и им, дабы получить нужное количество крестов, пришлось рвать на полоски принесенную в дар одежду¹⁴.

Столь восторженная реакция удивила даже самого Урбана. И причиной тому была не столько его папская харизма, сколько «великое пробуждение религиозных чувств», захватившее с начала века всю Европу. Благоговейный страх перед Апокалипсисом всегда пронизывал

¹¹ Робер де Реймс мог и лично присутствовать в Клермоне, но свои воспоминания о речи папы, по всей видимости, записал лишь двадцать лет спустя.

¹² Ее полагалось начинать законной власти ради правого дела и только с целью восстановить справедливость (и то лишь в качестве крайнего средства).

¹³ В исламе концепция священной войны – джихада – была заложена изначально, христианство же ее неизменно отвергало.

¹⁴ На латыни тех, кто дал обет отправиться в Иерусалим, называли *cruce signati*, т. е. «осененными крестом». Именно поэтому крестовый поход на английском называется *crusade*, а крестоносец – *crusader*.

сердца людей, живущих в эпоху Средневековья, но на заре XI века приобрел, вероятно, особый размах. После пришествия и воскрешения Христа миновала тысяча лет, повсюду крепло ощущение, что мир пришел в упадок и движется к логическому концу: явно близился час пресловутого Страшного суда.

Дабы избежать нарастающего чувства вины, люди все чаще обращались к монастырям и могуществу священных реликвий. Частицы священных мест, физические останки святых и предметы, с которыми эти святые соприкасались, – по отношению к грешнику все это могло выступать могущественной защитой. Со времен Карла Великого многие алтари хранили мощи и другие раритеты, поклонение которым в повседневной жизни средневековой церкви могло посоперничать с таинствами.

Самые могущественные артефакты ассоциировались с Христом или же Девой Марией, но мощи менее значимых святых тоже могли творить чудеса, нередко становясь главной целью паломничества. В IX веке в Испании обнаружили мощи святого Иакова, одного из апостолов Христа: христиане пешком преодолевали по вражеской территории сотни миль только для того, чтобы на них посмотреть. В соборе Сантьяго-де-Компостела хранились реликвии, ограждавшие от нападений со стороны как викингов, так и мусульман. На момент произнесения Урбаном своей речи этот собор стал самым прославленным местом паломничества во всем христианском мире.

Таким образом, когда папа упомянул Иерусалим, волны возбуждения захлестнули все в округе. Иерусалим был не просто город, потому как именно в нем жил, умер и воскрес Христос. Если священнодействием было прикоснуться к одежде, которую носил тот или иной святой, то насколько значимее было место, где жил Иисус? Подобно тому, как Христос был центральной фигурой истории, Иерусалим в прямом смысле слова стал средоточием мира¹⁵.

¹⁵ На средневековых картах восток (*лат. orient*) обычно изображался сверху, в то время как Иерусалим – в центре. Именно благодаря этому появился термин «ориентироваться».

Паломничество

Подобная вера в значимость земной обители Христа отнюдь не представляла собой что-то новое. Еще во II веке, несмотря на противодействие римских властей, пытавшихся подавить новую религию, Иерусалим и Вифлеем стали популярными христианскими святынями. Преисполненное опасностей путешествие к ним наверняка обладало не столько физическими, сколько символическими достоинствами, ведь стараниями череды имперских правителей, сделавших все возможное, чтобы стереть Иерусалим из человеческой памяти, смотреть там особо было не на что. В 70 году н. э. император Тит с невероятной жестокостью разграбил город: по свидетельству историка Иосифа Флавия, *«там не осталось ничего, способного убедить паломников, что город когда-либо был обитаем»*. Целую вечность он лежал в руинах, пока Адриан не отстроил его и не создал там колонию для своих ветеранов, назвав ее Элия Капитолина; на месте же распятия Христа был намеренно возведен огромный храм богини Венеры¹⁶.

Однако христиане так и не забыли о зримом окружении Евангелия. В большинстве своем неграмотные, о жизни Иисуса они узнавали из проповедей священников и наизусть знали названия деревень и мест, к которым Иисус имел то или иное отношение. В IV веке святая Елена, мать Константина Великого, впервые «официально» совершила паломничество в Святую землю, дабы пройти по стопам Христа, хотя ей на тот момент уже пошел восьмой десяток. Легенда гласит, что старый еврей отвел ее к месту, где когда-то высился построенный Адрианом храм, на тот момент разрушившийся и превратившийся в гору мусора: там-то она и отыскала закопанный под фундаментом Крест Господень.

В ходе дальнейших раскопок обнаружили и другие реликвии: надпись над головой Христа и четыре гвоздя, с помощью которых его распяли¹⁷. Елена приказала расчистить место, а ее сын, первый христианский император, возвел там церковь Гроба Господня. Остаток жизни Елена провела, путешествуя по Палестине и возводя памятные храмы во всех священных местах, которые ей удавалось отыскать. Такого рода имперское покровительство породило в буквальном смысле лавину паломников. В последующие сто лет для странствующих кающихся грешников было построено свыше двухсот монастырей и святых обителей.

В конце IV века святой Иероним, автор «Вульгаты», латинского перевода Библии, утверждал, что от Иерусалима исходит определенная духовная энергия и советовал своим читателям посетить и другие святые места – Вифлеем, где Иисус родился, Назарет, в котором он вырос, реку Иордан, где его крестили, а также Кану Галилейскую, где ему удалось превратить воду в вино¹⁸.

Идея паломничества приобрела такую популярность, а поток туристов – столь разрушительную для местных монастырей силу, что на закате жизни Иероним испытал потребность понизить ее роль, написав, что походы к святым местам хоть и способствуют духовному воспитанию христиан, но для спасения души в них нет никакой необходимости: праведной жиз-

¹⁶ По сути, не пострадала только одна христианская святыня – Синакская, или большая горница, в которой после распятия Христа собрались на Тайную вечерю его одиннадцать учеников. По иронии судьбы попытки императора Адриана подавить христианство посредством строительства храмов – Венеры на месте распятия Христа и Юпитера на его гробнице – как раз их и спасли.

¹⁷ По меньшей мере два из них можно увидеть и по сей день. Один из них Константин расплавил и пустил на удила для своего коня, которые впоследствии увезли в Милан (теперь их можно увидеть в городском соборе). Еще один он преподнес в дар принцам итальянской Ломбардии, которые перековали его, придав круглую форму, и сделали знаменитую Железную корону Ломбардии, ныне хранящуюся в соборе города Монца. Этот гвоздь вызывает определенные сомнения, потому как стал уже пятым, которым воспользовался Константин. В эпоху Средневековья свыше тридцати церквей утверждали, что у них есть фрагменты «священных гвоздей».

¹⁸ Сама по себе практика паломничества представляла собой древний обычай. Стойкие язычники римского мира проходили огромные расстояния ради морального удовлетворения, которое им приносило посещение Великого храма богини Дианы в Эфесе или могилы Гектора в Трое.

нию можно жить где угодно, ибо в расчет принимаются только вера и личные качества. В то же время сам он решил провести последние сорок лет своей жизни не где-то, а именно в Вифлееме, тем самым еще больше увеличив притягательность Святой земли в глазах верующих.

Посетить места, где когда-то жил Христос, действительно было высшим знаком духовной преданности, но представлялось это делом в высшей степени затруднительным. Для такого путешествия требовался не один месяц, оно стоило баснословных денег, паломник рисковал стать жертвой кораблекрушения, бандитов, климата, а нередко и враждебно настроенного местного населения. Если путник благополучно преодолевал все эти трудности, то далее для посещения святых мест ему следовало получить надлежащие официальные пропуска, имея наготове определенный запас наличности для взяток мусульманским чиновникам, которые их выдавали. В дополнение ко всему этому паломников ждали и традиционные проблемы, с которыми чужеземцы сталкиваются в незнакомом краю, – недобросовестные торговцы, нечестивые проводники, продаваемые по заоблачным ценам безделушки и никудышный ночлег.

Подобное путешествие было сопряжено с такими трудностями, что порой его использовали для наказания. Преступников, на которых лежала вина за совершение самых жестоких преступлений, заставляли пешком отправляться в Святую землю, повесив на шею орудие убийства. Для остальных паломников это было знаком того, что к ним не стоит относиться как к обычным кающимся грешникам: вместо этого следует публично их унижать. В вопиющих случаях наказанному паломнику предписывалось идти пешком с соблюдением особо суровых правил. Как отмечал английский поэт Джеффри Чосер, *«когда человек открыто совершал грех... ему приходилось совершать паломничество нагишом или босиком»*. Неудивительно, что таким кающимся грешникам предписывалось в каждом посещаемом ими храме запастись письменными свидетельствами, подтверждающими то, что они там действительно были¹⁹.

Весьма примечательно, что Иерусалим, оказавшись во власти мусульман, с самого начала не предпринял никаких попыток свернуть бизнес на паломниках. Туризм для священного города стал источником жизненной силы – после непродолжительного периода гонений исламские правители быстро пришли к выводу²⁰, что сохранить эту золотую жилу в их же собственных интересах. За несколько столетий им удалось добиться хрупкого баланса в отношениях с христианами. Они не закрывали святыни, позволяя их посещать, защищали паломников в границах города, ожидая, что в ответ христианские правители будут поощрять паломничество и присылать щедрые дары для поддержания существующих мест поклонения²¹.

Такого рода договоренности принесли огромную пользу как одной, так и другой стороне. В казну Халифата рекой текло золото, а статус христиан в Палестине к началу X века в действительности настолько укрепился, что они обладали практически теми же правами, что и в былые времена христианского правления. Человеческий поток был больше, чем когда-либо. Выказать дань уважения приезжали буквально все – норманнские герцоги, члены английской королевской фамилии и даже грозный король викингов Харальд Суровый²². Один мусульманин, приехавший в Иерусалим, даже сетовал, что в городе, похоже, всем заправляли христи-

¹⁹ Приказ отправиться босиком из Европы в Палестину нередко мог оказаться роковым. В качестве лишь одного примера можно привести Свена Годвинссона, своенравного брата последнего англосаксонского короля Англии, которые умер от воздействия внешних факторов во время перехода через Анатолийские горы.

²⁰ В 1012 году, в один из периодов самых жестоких репрессий, полубезумный халиф аль-Хаким приказал разрушить все синагоги и церкви. Впоследствии всем, кто не придерживался мусульманской веры, предписывалось платить налог, а также носить отличавшую их от остальных одежду и унижавшие достоинство символы – большие деревянные кресты для христиан и колокольчики для иудеев.

²¹ Карл Великий построил для нужд паломников просторный постоялый двор, а Константин IX, правивший Византией в XI веке, платил непомерные суммы за привилегию поддерживать в Иерусалиме христианские святыни.

²² Одним из самых печально известных паломников стал Роберт Дьявол, отец Вильгельма Завоевателя, который бросил сына в Нормандии и умер на обратном пути из Иерусалима.

ане, и заявлял, что найти лекаря, который не был бы христианином, и ростовщика, в жилах которого не текла бы еврейская кровь, практически невозможно²³.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что это относительное спокойствие будет длиться и дальше. Две великие державы Средиземноморья – Халифат и Византия – неплохо ладили, поддерживали стабильность, пусть даже и относительную, и давно установились в границах, выглядевших неизменными. Но если позиция христиан в значительной мере характеризовалась прямоотой – Византия всегда играла роль великого защитника христианства в Святой земле, то позиция мусульман была гораздо сложнее.

Хотя внешне ислам выглядел монолитом, на самом деле в нем царил глубокий раскол. Ключевое разделение – между шиитским меньшинством и суннитским большинством – насчитывает примерно столько же лет, что и сама эта религия²⁴. В политическом отношении всегда доминировали сунниты, осуществляя из столицы Багдада управление огромным Аббасидским²⁵ халифатом. Но к X веку суннитский халиф – в дословном переводе «преемник Мухаммеда» – всецело пребывал во власти могущественных принцев и оказался неспособен воспрепятствовать созданию конкурирующего шиитского халифата в Египте.

Аббасидский упадок остановило появление турок-сельджуков, полукочевого племени из степей Центральной Азии – огромной территории, простирающейся от Уральских гор до северо-западных провинций современного Китая. Приняв не так давно суннитскую веру, они были усердными воинами, которым удалось завоевать Багдад и влить в загнивающий халифат новую кровь. В 1071 году они наголову разбили византийскую армию в жутком сражении при Манцикерте, а в течение последующих шести лет вышвырнули шиитов-египтян, прозванных по названию их правящей династии *фатимидами*, с завоеванной ими сирийской территории. В 1077 году по Палестине прошла зыбкая граница, и Иерусалим оказался в руках турок. От хрупкого равновесия, установившегося за много столетий, в одночасье не осталось и следа.

Новые хозяева Священного города в ужасе взирали на процветающие церкви, считая эту картину еще одним свидетельством того, что их шиитские предшественники в своей ереси вполне заслужили изгнание. Они тут же устроили религиозные гонения, бросились разрушать церкви, хватать паломников и отнимать у христиан собственность. И хотя совсем скоро осознали свою ошибку – без бизнеса на паломниках Иерусалим стал быстро приходить в упадок, – ущерб уже был нанесен. Сведения об этих злодеяниях в мгновение ока улетели на Запад, поэтому, когда Византия после поражения при Манцикерте превратилась в калеку, Урбан надел на себя папскую мантию.

²³ Аль-Мукаддаси. Описание Сирии.

²⁴ В дополнение к теологическим разногласиям между ними изначально возник спор о том, кого считать законным преемником Мухаммеда после его смерти. Шииты считали таковым его племянника Али, в то время как сунниты отводили эту роль тестю пророка Абу Бакру.

²⁵ Название происходит от имени Аббаса, дяди пророка Мухаммеда.

К тому моменту, когда самих турок в 1098 году изгнали из Иерусалима более терпимые фатимиды, уже начался Первый крестовый поход.

Глава 2

Народный крестовый поход

Мир переживает тревожные времена.
Петр Пустынник

Для папы Урбана речь в Клермоне стала лишь началом изнурительного года. Кроме встречи с братьями-христианами и заявленной цели восстановления Иерусалима другие подробности касательно его «великого христианского войска» пребывали в тумане. Поэтому большую часть года он провел в поездках по Франции и чтении проповедей, в бесконечных рассылках писем и доведении до ума плана крестового похода. Священникам и епископам было поручено нести от имени папы его слово дальше, и с этой задачей они справлялись не хуже его самого. Некоторые из них прибегали к чудесам воображения и апеллировали к напряженной атмосфере. Если раньше наказ Христа «*взвалить свой крест*» сочетался с феодальными вопросами долга, то теперь в нем зазвучало совсем другое значение. Некоторые проповедники, рисуя картины распятия Христа, доходили до того, что выставляли в роли гонителей не римлян, а турок. Реакция последовала незамедлительно и оказалась весьма масштабной. Вернувшись в Рим, папа узнал, что клятву крестоносца принесли жители самых разных, отдаленных друг от друга большими расстояниями государств – от Испании до Шотландии и Дании.

Повсеместный энтузиазм, с которым встретили его идею, не столько привел папу в восторг, сколько вселил в его душу тревогу. Урбан отнюдь не был романтиком. Прекрасно понимая, какую угрозу нес христианству ислам, он знал, что величайшая услуга, которую ему было под силу оказать окруженному врагами Востоку, сводилась к тому, чтобы послать туда европейское супероружие – закованного в тяжелые доспехи и вооруженного до зубов рыцаря. Что же до новобранцев из числа крестьян, то они не только представлялись совершенно бесполезными, но могли причинить и немалый вред. У них не было возможности профинансировать столь дорогостоящую экспедицию, их, скорее всего, убили бы еще до того, как армия дошла до Иерусалима, но что еще хуже, – из-за них Запад лишился рабочих рук, необходимых для сбора годового урожая.

Последняя мысль не давала ему покоя. На севере Италии на призыв откликнулось такое количество крестьян, что даже возникла нешуточная угроза голода. Урбану пришлось сменить тактику, перейдя к активным попыткам убедить народ *воздержаться* от участия в этом крестовом походе. Он разослал повсюду письма, в которых разъяснялось, что это великое предприятие предназначалось исключительно для землевладельцев, способных позволить себе материальные издержки войны. Дабы дать дворянам возможность привести в порядок дела, выступление в поход отложили на целый год и назначили на 15 августа 1096 года, причем каждому потенциальному крестоносцу предписали сначала получить разрешение у своего духовного наставника. С целью обеспечить надлежащий состав армии Урбан приказал священнослужителям отказывать всем, кроме тех, кто больше всего подходил для этой цели. Поскольку слои общества, не входившие в ратное сословие, помогать крестовому походу материально не могли, духовные преимущества оставались им недоступны. Старым, больным и слишком молодым предписывалось сидеть по домам, а беднякам – работать в поле. Святым отцам и монахам было велено оставаться дома, вознося молитвы за крестовый поход (за исключением случаев, когда епископ выдавал им специальное разрешение к нему присоединиться). Особым указанием участвовать в нем запретили испанцам, которым приходилось сражаться с исламом

у себя на родине²⁶. Даже если претендент подходил по всем статьям, но при этом недавно женился, ему сначала следовало получить разрешение супруги.

То, что Урбан посчитал необходимым ограничить участие в этом походе, может показаться немного странным, особенно если учесть следующий факт: самого перехода в Святую землю было достаточно для того, чтобы отбить у большинства охоту к нему присоединяться. Дабы добраться по суше до Иерусалима, нужно было преодолеть две, а то и три тысячи миль по населенной врагом территории. Более того, европейская знать наверняка понимала, с каким уровнем противодействия придется столкнуться. Многие служили в византийской армии наемниками и знали, сколь грозными врагами были турки. Еще большую озабоченность вызывали непомерно высокие издержки. Рыцарям приходилось собирать средства для финансирования своего похода, а в некоторых случаях и для участия в нем младших братьев и сыновей. Кроме того, им вменялась обязанность содержать надлежащую свиту из кузнецов, оруженосцев и слуг, заботясь обо всех их нуждах в пути. Все эти средства свободно могли в пять, а то и в шесть раз превышать их годовой доход. Большинство предполагаемых крестоносцев, чтобы их покрыть, распродавали свои поместья или же превращали в звонкую монету родовые землевладения. Для многих рыцарей участие в походе всецело зависело от щедрости более состоятельных феодалов. В дороге конечно же всегда имелась возможность кого-нибудь ограбить, чтобы частично компенсировать издержки, но эта перспектива, даже в лучшем случае, выглядела весьма отдаленной. Урбан издал предписание, в соответствии с которым все захваченные территории подлежат возвращению византийскому императору в целостности и сохранности. Невыполнение этого указа – равно как и преждевременное возвращение домой – каралось отлучением от церкви²⁷.

Иными словами, Первый крестовый поход означал обеднение или серьезное истощение ресурсов рода только для того, чтобы его представитель неизвестно на какой срок уехал из дома и, вполне вероятно, сложил голову в неведомом краю. Но, невзирая на риски, связанные с достатком и жизнью, крестовый поход был невероятно популярен именно среди тех, кто мог потерять едва ли не все, участвуя в нем. Но что еще хуже, большинству из тех, кому суждено было дойти до Иерусалима, предстояло вернуться домой по уши в долгах, без состояния и земли, а зачастую и напрочь подорвав здоровье.

Причина, по которой столь многие презрели объявленные Урбаном ограничения, крылась в средневековых представлениях о набожности и благочестии. Веру было принято выставлять напоказ, особенно среди знати. Родовитые дворяне строили церкви или покровительствовали монастырям – зачастую в виде компенсации за жизнь, наполненную жестокостью и кровью. Защищая «институт церкви» у себя дома или на чужбине, они надеялись заслужить щедрое вознаграждение на небесах.

Сюда, вполне естественно, примешивались и другие причины, традиционно подвигающие многих к участию в великих начинаниях – от неподдельного идеализма, подталкивающего примыкать к делу, слава которого превзойдет их самих, до мотивов самого низменного порядка. В то же время всех объединяло одно – готовность рискнуть всем ради освобождения Святой земли.

Урбан нечаянно открыл «кран» бездонного резервуара эмоций, которые быстро вышли из-под его контроля. Чтобы выступить для защиты Востока, он намеревался собрать компактное дисциплинированное войско рыцарей, но первая армия, отправившаяся в Иерусалим, представляла собой нечто совсем другое. Пусть брошенный в Клермоне призыв и затронул у знати струнки совести, однако это была не совсем их «тема» – а вот для крестьян он обла-

²⁶ Мусульмане завоевали Испанию в начале VIII века: с тех пор оставшиеся в стране христиане постоянно вели *Реконкисту*, т. е. борьбу за отвоєвание своей земли. Окончательно этот процесс завершился лишь в 1492 году.

²⁷ В эпоху Средневековья отлучение от церкви считалось одним из самых ужасных наказаний. Она на время закрывала перед отлученным свои двери, лишая возможности причащаться и принимать участие в других таинствах, пока он не раскается. Если же отлученный умирал, не искупив грехи, его проклинали.

дал куда большей притягательностью. По выражению Томаса Гоббса, жизнь бедняка в Северо-Западной Европе была *«отвратительной, жестокой и короткой»*. После набегов викингов, разорявших Европу с IX по XI век, многие территории понесли огромный урон. Поля никто не возделывал, мосты и дренажные каналы стояли заброшенными, деревни вымирали. После крушения централизованной власти защитить крестьян от произвола местных князьков оказалось некому. В довершение всех бед годы, предшествовавшие речи Урбана, выдались особенно трудными. В 1094-м на юге Франции случилось страшное наводнение, за которым последовали нашествия насекомых и болезни. На следующий год пришла засуха, повлекшая за собой массовый голод, еще больше увеличивший и без того высокий уровень смертности.

Призыв Урбана «выступить великим маршем» на Святой земле не только предлагал избавление от жестоких мучений земного существования, но и манил обещанием спасения в мире загробном. Помимо прочего, в пользу этого жизненно важного новшества свидетельствовали различные чудеса и знамения. На севере Франции дважды наблюдалось лунное затмение, а на юге видели небывалый звездопад. Некоторые из давших обет выступить в крестовый поход говорили, что у них на теле появлялись некие выжженные изображения креста, в то время как другие, не изъявившие подобного желания, мучились от того, что у них опухали конечности, а также от приступов боли, характерной для болезни, известной в народе как лихорадка святого Антония.

Петр Амьенский

Проповедовать крестовый поход Урбан попросил одних лишь епископов, но вскоре французскую провинцию и бассейн Рейна наводнили простые монахи и бродячие проповедники, которые и понесли эту новость в народ. Самым значимым из неофициальных глашатаев стал человек по имени Петр. Он родился в Пикардии, недалеко от Амьена, и не отличался особенной красотой, – его лицо зачастую сравнивали с физиономией осла, на котором он разъезжал, – но зато обладал удивительной харизмой. *«Что бы он ни говорил, что бы ни делал, – писал знакомый с ним монах Жильбер из Ножана, – его всегда воспринимали наполовину божеством»*. Он то и дело доводил толпы людей, собравшихся его послушать, до слез, причем даже после отъезда в Германию, где слушатели не могли понять ни одного произнесенного им слова.

Привлекая к себе внимание всех без исключения слоев общества, Петр нередко получал от местной знати крупные суммы. Большую их часть он отдавал на выплату долгов своих последователей или жертвовал бедным женщинам, что еще больше увеличивало его престиж. Прошло совсем немного времени, и толпа уже стала вырывать у его осла волосы, чтобы хранить их как реликвию...

Сам Петр был фигурой весьма любопытной: неизменно босой, в пыльной накидке, из-за которой и получил прозвище Пустынник, он не ел ни хлеба, ни мяса – его так называемая диета состояла исключительно из рыбы и вина. Что же до речей Петра, то в них присутствовал некий намек на личный опыт, отличавший их от речей других проповедников того времени. В 1093 году, за пару лет до описываемых событий, он, мечтая попасть в Святую землю, отправился туда паломником. Но увы: его до такой степени избили турки, что он был вынужден вернуться, так и не увидев Иерусалим. Личное знание истинной ситуации на Востоке придавало его речам определенный вес и порождало ощущение необходимости безотлагательных мер²⁸. В эпоху Средневековья было широко распространено такое поверье: на момент Второго пришествия Христа Иерусалим должен быть в руках христиан, тем более что конец света явно близок. Знатных дворян, которые спешно приводили свои владения в порядок перед тем, как выступить в крестовый поход, за недостаток веры высмеивали в пасквилях. Призыв был брошен, и победу мог гарантировать только Христос, но никак не тщательное планирование или дорогостоящая свита.

Все лето 1095 года Петр проповедовал на северо-востоке Франции поход, впоследствии названный историками Народным походом. А когда отправился в Германию, число его последователей возросло до пятнадцати тысяч человек – масштаб того, чего он стремился достичь, постепенно стал приобретать в его глазах ясность. Одно дело – вдохновлять толпу, призывая ее к действию, и совсем другое – эту толпу организовать. Его сторонники были самого разного происхождения, но всех их объединяла бедность; многие из них даже привели с собой семьи в полном составе – не только женщин и детей, но и домашнюю живность... В их ряды затесались и те, кто жаждал начать жизнь с нуля – воры, преступники и младшие отпрыски рыцарских родов, лишенные каких-либо перспектив. Поскольку общая черта у них была только одна – отправиться в крестовый поход, – они напоминали не столько армию, сколько стадо.

Петр столкнулся с дилеммой. С одной стороны, ему требовалось изобрести способ, дабы привлечь на свою сторону во многом умелое и искусное сословие дворян, чтобы укрепить это войско. С другой стороны, нигде нельзя было останавливаться надолго. В средневековой Франции существовало совсем немного уголков, способных в течение долгого времени кормить лишние пятнадцать тысяч ртов, далеких от любой дисциплины. Поэтому оказавшись в круп-

²⁸ Повсеместно считалось, что у Петра есть некое «письмо с небес», в котором транслируется призыв к немедленному выступлению против турок.

ном германском городе Кельне, уютно расположившемся в богатой долине Рейна, – в городе, где было хорошо налажено транспортное сообщение, он понял: ему дали шанс, и задержался там.

Если первоначальные представления Урбана об элитарном войске из-за таких, как Петр Пустынник, видоизменились и переросли в народное движение, то в Германии этот процесс и вовсе напрочь вышел из-под контроля. Когда распространились вести о Народном крестовом походе, там всюду стали создаваться обособленные группировки, во главе которых каждый раз вставала все более одиозная личность. Существовала даже группа крестьян, объединившаяся вокруг гуся, якобы воодушевленного Святым Духом²⁹

²⁹ Другая такая группа якобы сплотилась вокруг козы. Впрочем, ни то ни другое животное не смогло прожить достаточно долго для того, чтобы покинуть германскую территорию. Альбер из Экса прозаично отмечал, что гуся, вероятно, логичнее было бы увидеть на блюде, нежели пытаться делать из него «предводителя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.